

Колле. правда. - 1995. - 28 марта. - с. 8.

Опустел КОНТИНЕНТ

Из Парижа пришла скорбная весть — умер Владимир Емельянович Максимов. Он мужественно прожил свою жизнь и мужественно принял смерть. Многие знают его как основоположника знаменитого журнала «Континент», который долгие доперестроечные годы раскачивал и разрушал ту систему, что отторгала всех честных рыцарей Правды — от А. Солженицына и В. Максимова до А. Сахарова и М. Ростроповича, от В. Войновича и М. Шемакина до В. Аксенова и Г. Владимова. Читать «Континент» тогда было опасно — могли выгнать с работы, упечь за решетку. Но все равно тайком читали, рисковали привозить из загранпоездок отдельные номера.

Владимир Максимов никогда не шел на компромиссы с совестью, потому что более всего дорожил независимостью своего писательского слова и духовной свободой. Роман «Семь дней творения» круто изменил его жизнь. «За политические взгляды и творчество, несовместимое с уставом Союза писателей» В. Е. Максимова в 1973 году исключили из Союза писателей, выдворили из страны и лишили гражданства. Он не хотел этого, потому что любил Россию, мучился ее бедами, искал правду на родной земле. Но судьбе было угодно разлучить их. В 1989 году он скажет в интервью в журнале «Юность», что литературная судьба его

была бы плодотворней в России, хотя на Западе были написаны такие известные романы, как «Прощание из ниоткуда», «Заглянуть в бездну», «Ковчег для незваных», повести, пьесы, публицистические книги. И все-таки он с горечью признавался: «Для меня эмиграция — не рай, для меня это огромное потрясение».

В редколлегии журнала «Континент» работали выдающиеся единомышленники В. Максимова — и среди них нобелевские лауреаты Э. Ионеско, А. Сахаров, М. Джилас, И. Бродский. Владимир Емельянович объединял журналом сотни талантливых людей в борьбе за права человека на земле, в борьбе с тоталитарной системой, которая корежила его

родину. Уже в годы перестройки он вместе с редакцией «Комсомольской правды» стал одним из создателей «Римского движения», которое объединило русских писателей-эмигрантов, живущих в разных странах, с литературной Россией.

Владимир Максимов хлебнул лиха на родной земле. Рано потеряв родителей, он рос на детдомовских пайках. Может быть, поэтому в душе его всегда светились милосердие и доброта, с которыми он шел к людям. Суровый внешне, колючий в спорах, нетерпимый в отстаивании своей правоты, он вместе с тем был очень ранимым человеком, романтиком дружбы и верности.

Будучи человеком глубоко верующим, он хотел всеобщей любви, а не отчуждения людей, близких по духу, но ушедших в разные политические потоки. И страдал оттого, что не получается любовь, ибо мешала непримиримость, когда люди разучились слушать друг друга. Да и жизнь наша еще устроена не по лучшему образцу.

Когда он понял, что колокол «Континента» на Западе свое отзвучал, Максимов передал журнал в надежные руки — известному московскому критику И. Виноградову, а сам целиком погрузился в творчество. Незадолго до смерти Владимир Емельянович успел закончить новый роман. Он надеялся быть необходимым

на Родине, хотел делать что-то доброе для общего блага... Мне и сотням его друзей, соратников, коллег и читателей будет не хватать острого и мудрого слова нашего выдающегося земляка, его колочести и доброты, его застенчивой улыбки. Смерть всегда преждевременна. А здесь она и бесконечно несправедлива, потому что Владимир Максимов хотел вернуться. И уж если умереть, то на родной земле. Но наши власти даже не удосужились услышать его просьбу... И все равно он остается навсегда со своей Россией, которую бесконечно любил — и во гневе, и в радости.

Андрей ДЕМЕНТЬЕВ.

Писатели бывают разными — известными, знаменитыми, выдающимися, великими. Владимир Емельянович Максимов гораздо больше, чем писатель. Максимов — великий гражданин России.

Жестокая ирония российской судьбы — «гражданином» (а не «товарищем») его называли следователи. И нужно было сделать все то, что сделал Максимов, чтобы в «махровом антисоветчике», «диссиденте», «гражданине подследственном» страна, прозревая, разобрала в конце концов великого гражданина Отечества.

Мне трудно о нем писать. Хотя бы потому, что жанр некролога заставляет писать в прошедшем времени. Но Максимов не только был. Максимов есть и Максимов, я уверен, будет.

Он первым совершил прорыв в XXI век России. Я познакомился с ним тогда, когда он был знаменитым главным редактором знаменитого «Континента». И в те же годы, благодаря Владимиру Емельяновичу Максимова, журнал «Континент» и «Комсомольская правда» смогли собрать в «Римское движение» и помочь хотя бы поговорить, встретиться таким страшно непохожим людям, как Явлинский и Хасбулатов, Буковский и Солоухин, Гавриил Попов и Лигачев, Известный и Крупин, Астафьев и Коржавин.

Мне трудно о нем писать еще и потому, что он называл меня младшим братом. У Владимира Максимова есть такой роман — «Семь дней творения». История человека, железно верившего в одну идею. И эта же история творения — то есть история прозрения. Владимир Максимов, отбросивший коммунизм и антикоммунизм — бесстрашно, мучительно и последовательно, — помог многим из нас прозреть.

И в конечном счете высокопринципиальная борьба, которую страна ведет сама с собой, называется крупномасштабным воровством. А кровь, которую мы охотно проливаем ради «измов», имеет очень точное имя. Имя этой крови — Родина. Имя ее — наши отцы, братья и дети. Я знаю, как Максимов мучился последние годы — и потому, что мы слишком охотно расплавляемся за воровство и «измы» кровью.

Сильно чувствующий, талантливый. Сердитый. Глубоко верующий. И великий парадокс — крайне непримиримый стал первым предсказателем национального компромисса.

Жизнь его так измотала — тюрьма и одиночество на чужбине? Россия, ради которой он так душой изболел?

Мы помним Вас, Владимир Емельянович. Мы помним Ваши слова: «Россия не умрет — Господь не попустит».

Господь не попустит. Если не попустит Россия. Александр АФАНАСЬЕВ.